

«Дочь воздуха» Кальдерона. Иоганн Вольфганг Гёте

De nugis hominum seria veritas

Uno volvitur assere[1].

И, несомненно, если высочайшее проявление человеческой глупости в высоком стиле должно было когда-либо вывести на театральные подмостки, то наибольшей хвалы здесь заслуживает названная драма.

Правда, иной раз мы судим о произведении искусства весьма предвзято, плененные его достоинствами, принимаем и восхваляем последний шедевр как непревзойденный; но беды никакой в том нет, ибо мы рассматриваем сие творение тем любовнее и тем пристальнее, а значит, стараемся раскрыть все его преимущества, чтобы оправдать наше мнение. Посему я беру на себя смелость утверждать, что «Дочь воздуха» более, чем какая-либо другая из драм Кальдерона, заставила меня восхищаться его великим талантом, высотой его духа и ясностью ума. Да и нельзя не признать, что драма эта превосходит все другие его пьесы, хотя бы уж тем, что развитие ее фабулы обусловлено чисто человеческими мотивами, и демоническое начало присуще ей не в большей мере, чем то надобно, дабы необычное, из ряда вон выходящее в самом человеческом бытии тем смелее расправило крылья. Лишь начало и конец полны здесь чудес, в остальном действие движется самым естественным путем.

Все то, что надлежит сказать об этой драме, относится и к другим творениям нашего поэта. Он отнюдь не следует по пятам за самой природой; напротив того, он в высшей степени театрален, сценичен; того, что зовем мы иллюзией, особенно же такой, которая пробуждает умиление, здесь нет и следа; план драмы предельно ясен; сцена следует за сценой с полной необходимостью и словно бы балетным шагом, вызывая отрадное впечатление художественной цельности и напоминая о приемах нашей новейшей комической оперы; скрытые мотивы действия всегда одни и те же: борьба долга, страстей, условностей, исходя из противоположности характеров и заданных обстоятельств.

Основное действие проходит величественной поступью свой поэтический путь; интермедии, напоминающие в своем развитии изящные фигуры менуэта, риторичны, диалектичны, софистичны. Все элементы человеческой природы присутствуют здесь, не забыт и дурак, чей доморощенный ум, стоит только иллюзии заявить притязание на сочувствие и расположение, тут же, если еще не заранее, грозит ее разрушить.

По размышлении приходится, однако, признать, что состояния и чувства человека, перипетии его бытия не могли бы быть перенесены прямо на сцену в своей первозданной естественности, они должны быть уже обработаны, приготовлены, сублимированы; именно в таком виде и предстают они здесь перед нами. Поэт находится в преддверии сверхкультуры, он дает нам квинтэссенцию человеческой природы.

Шекспир, в противоположность тому, дарит нас крупным, спелым виноградом прямо с лозы; мы можем по собственному желанию наслаждаться, вкушая ягоду за ягодой, или, выжав из него сок, пить молодое или же хорошо выдержанное вино, лишь отведать его или тянуть медленными глотками; так ли, иначе — мы в упоении. Кальдерон же, напротив того, не оставляет зрителю ни свободы выбора, ни свободы воли; нам преподносят уже очищенный от всех примесей рафинированный напиток, вкус которого утончен многими острыми приправами и смягчен пряными; нам остается лишь выпить его таким, каков он есть, как вкусное усладительное возбуждающее средство, или же вовсе от него отказаться.

Мы и ранее уже дали понять, почему мы склонны столь высоко оценивать «Дочь воздуха», — сам предмет этой драмы превосходен и благодатен. Ибо — как это ни жаль! — во многих творениях Кальдерона мы видим человека высокого духа и свободного образа мыслей, вынужденного пребывать в рабстве у мракобесия и искусственно присваивать глупости разум; и тут мы нередко попадаем в тяжелый разлад с самим автором, ибо тема нас унижает, а воплощение ее восхищает; примером тому вполне могли бы служить и «Поклонение кресту», и «Аврора из Копакованны».

Пользуемся случаем во всеуслышание заявить о том, в чем не раз уже признавались втайне самим себе: надо почесть за величайшее преимущество для Шекспира, что по рождению и воспитанию он был протестант. Во всем он показывает себя как человек, коему не чуждо ничто человеческое; он стоит выше всех предрассудков и химер, он лишь играет ими; сверхъестественные силы он заставляет служить исполнению своих замыслов, трагические тени и забавных кобольдов призывает для достижения цели, которая в конце концов все очищает; при этом сам он не испытывает ни малейшего смущения, даже если вынужден иной раз обожествлять абсурд, — печальнейшее положение, в каком только может оказаться человек, сознающий свою разумность.

Вернемся же к «Дочери воздуха» и добавим ко всему уже сказанному еще и следующее. Если мы сумели перенестись в столь отдаленные от нас обстоятельства, не зная ни местных условий, ни языка, если смогли заглянуть с пониманием в литературу чужой нам

страны без предварительных исторических изысканий, если нам удалось почувствовать на этом примере вкус другого времени и дух другого народа, то кому же мы всем этим обязаны? Без сомнения, переводчику, который с прилежным старанием, употребив весь свой талант, трудился для нас всю жизнь. И на сей раз мы выражаем глубокую благодарность господину доктору Гризу: он подносит нам дар бесценный, ни с чем не сравнимый, ибо дар этот в равной мере привлекает нас своей ясностью, чарует своим изяществом и убеждает полной гармонией всех частей своих в том, что все это должно и могло быть лишь так и никак иначе.

Подобные достоинства могут быть в полной мере оценены только с возрастом, когда мы хотим насладиться преподнесенным нам прекрасным даром со всей приятностью и удобством; юность же, напротив того, в своем вечном соперничестве и сотрудничестве, в своей вечной устремленности вперед далеко не всегда признает те заслуги, коих надеется достичь сама.

Итак, хвала переводчику, который, положивши все силы ради одной-единственной цели, шел, не сбиваясь с пути, для того чтобы мы могли наслаждаться столь многогранно.

Комментарии

Напечатано в журнале «Об искусстве и древности» в 1822 году. Педро Кальдерон де ла Барка (1600–1681) — великий испанский драматург, мастер драмы в стиле барокко, был почитаем немецкими романтиками. Критика Гете Кальдерона направлена именно в их адрес, но своей трактовкой пьесы испанского драматурга Гете стремится показать, что произведения Кальдерона безыскусственны, полны жизни, чего нельзя сказать о романтиках.

Гриз Иоганн (1775–1842) — переводчик с испанского языка.

А. Аникст

Примечания

1 Во всякой глупости человеческой есть доля суровой правды (лат.).